

~~428~~ ~~373~~
~~210~~ ~~203~~
~~W 373/203~~
В К П (Б)
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. С. РАБИНОВИЧА

ЮНОШЕСКИЙ СЕКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРОЛЕТАРИЙ“

СЕРЕГА И СТЕПАНЫЧ.

Рассказ.

I

После митинга о горьком рабочем воскресеньи Степаныч и Серега домой не пошли: в клубе остались чайничать.

И хотя работали они в одной мастерской и виделись на дню раз тыщу, но словцом редко-редко перебрасывались. Да об чем и разговаривать Сереге со Степанычем?

Да, да, ну и наговорились.

Серега, сильно занятой, мечется завсегда, ровно бешеный. То в ячейку, то в комиссию, в завком на собрание убежит — туда-сюда: с семьёю собаками не догонишь.

Ну, а Степаныч. Об нем будет совсем другой разговор., Мастеров таких, как он, поискать да поискать. И совсем напрасно звонари звонят: есть, мол, такие машины — сунь в нее, скажем, дерьма кусок, конфеткой оборотится. Напрасные разговоры! И наплюйте вы в глаза тому, кто скажет „будут“. А почему? Потому т а л а н нужен. У входа во все мастерские подковки эдаки медные, и рельефные надписи на них поистерлись. „Завод построен в 1893 г.“. Тогда же и собран завод. В тот год Степаныч и работать начал. За тридцать с лишним годков разболтался его станок. Прямо, надо сказать, никуда. Только, это, его пустит, а он и затарахтит, как телега по мостовой. А поглядеть бы, что на нем Степаныч выделывает! Игрушки, истинный господь, игрушки, да и только.

И пускай комсомол Яшка раззванивает о вычитанной диковине, выдумали будто в Америке эдакое — пущены сразу сорок станков и прохаживается промежду ними один мастер надсматривает вроде... А в станках тех разметочка, калибр, табличка механическая, магнитный зажим. Ходит это мастер, наглядывает, масленкой тычит, а станки сами зажаривают...

Чепуха! Не верит Степаныч. И вся мастерская не верит. Шмыгнет носом комсомол Яшка, уйдет, сказав на прощанье: — У вас старые понятия об технике.

Золотые у Степаныча руки. Он и сам им цену знает. По делам-то давно бы быть ему инженер-механиком, а через гордость свою да крутой нрав и посейчас Степаныч числится мастером токарного цеха.

Серега ему племяшом родным доводится. Что там ни говори, а все родная кровь: любил его старик какой-то своей, колючей, стариковской любовью. А как увидятся — обязательно сцепятся ругаться. Молодому-то все смешки, да хаханьки, а старик ершится.

Вот и нонче сидели они в клубе, чайничали и эдак сурьезно промежду собой разговаривали.

— Гляжу я на тебя, дядя, гляжу и диву даюсь... Коренной ты есть рабочий человек и грамоту шибко знаешь, а все топыришься... Как лошадь беззуба, все морду-то в сторону от кормушки воротишь.

— В какую это сторону?

— В такую. В фабзавком выбирали — не пошел. В ячейку тебя с кой поры зовут — ровно и не слышишь.

— Ну?

— А запишись в коммунисты, за тобой вся мастерская, все старики пойдут.

— Больше ничего не скажешь?

— Тебя выслушать хочу.

Степаныч допил стакан, другой налил и только тогда раскачался.

— Полсотни годков без партии прожил да, слава те господи, сыт был... Молодежь еще туда-сюда: вам жить, вам и порядки наводить... А мы как-нибудь, потихо-легонечку дотянем... Нам помирать не нонче-завтра... Пей — простынет...

Помолчали.

— Такие-то дела, племянничек... Тебе вот на меня дивно смотреть, а мне на тебя. Ни на вечерку не сходишь, не попляшешь, и одеться бы мог, люди добры говорят, по девятому разряду огребаешь бабки-то, а на тебе, смотри, кака рванина, ровно и не мастеровой, а золоторотец какой. Сидишь — думаешь, ходишь — думаешь, все одно, што потерял чего иль

забыл, да вспомнить не можешь... И мы были молодыми, трясли кудрями. Партия, партия... Комсомол тоже. Опять и то сказать, при этой самой нэпе несчастной комиссарам да жидам и вся польза от вашей партии... Автомобили, рестораны, ших-пых. А ты и в комсомоле своем, а все ходишь голым, брюхом сверкаешь. Пей, говорю, замерз чай-то.

Сергеа встрепенулся.

— Кому, кому, а не тебе бы, дядя, об наживе говорить... Знаешь, кто скоро-то наживается.

Старик отвернулся, разглядывая плакат.

— Кхе, как не знать... Я не к тому сказал.

— То-то... А што у нас интеллигенции и в партии, и в комсомоле большинство, так сами мы и виноваты. Как не приучены зебры..

— Звери штоо-ль эдаки?

— Звери. В сторону топыримся. Кто бы за нас чего делал, а нам бы тепло подвалило.

Клуб полон яркого света: от него и глаза у людей веселей. Где-то в дальних комнатах гремит песня, ровно серебряными нитками расшитая треньканьем балалаек и мандолин,— хоровой музыкальный кружок репетируется.

— Ты мне, Сережка, расскажи, как у вас эта сама дискуссия? Еще не перекусались?

— Пока нет, а тебе што, забота?

— Чудно.

— Чудно, да не больно.

— А перекусаются, все равно перекусаются.

— Поглядим.

— Тут и глядеть нечего... Возьми ты крестьянскую семью: покуда ноги носят старика, все хозяйство в порядке. Сковырнись старик, и завертит куралесица: каждый сын себя в дому хозяином считает. Каждый норовит другому на глотку наступить... Был Ильич здоровый, и дело шло; плохо ли, хорошо ли, а шло: не кусались...

Сергеа подумал, что философия у старика авторитарная, но и в ней какое-то зернышко правды есть.

Густой гул клуба ровно ножом полоснул чей-то истошный крик:

— Ленин помер!..

— Товарищи...

Все повскакали из-за столиков. Парень от двери, захлебываясь словами, торопливо читал телеграмму.

Степаныч слушал, вытянув избитую стружкой, промасленную копотью, костлявую шею. Жевал губами.

— Вот-те раз... Вот-те раз... Ах ты наказанье... Грех-то какой!..

— Ну, дядя, идешь?

— Иду, иду, Сережка... Варешку вот запропастил куда-то, варешку...

Клуб быстро опустел.

II

Всего полчаса назад мирно дремавшую вечернюю Москву стегало газетное многоголосье:

— Экстр-выпуск!

— Смерть товарища Ленина!

По руслу тихих улиц окраины, мимо пустырей, заборов, равнодушных домов катился черный поток людей, катилось горячее дыхание. Газетчиков рвали нарасхват и тут же где-нибудь под фонарем, под воротами, в подъезде трепетно прочитывали зыбкие строчки. Газетные листки еще пахли сладковатой типографской краской и пачкались под пальцами.

— Умер...

— Умер...

Ни Серега, ни Степаныч домой не пошли. Что делать дома? Никто не шел домой (в каждом доме покойником веяло). Бежали дальше на углы, на перекрестки улиц, туда, где толпа чернела гуще. Бежали, будто ждали еще чего-то услышать, чтоб быть в куче: лучше как-то.

— Ильич...

— Ленин...

На перекрестке глухо гудели голоса об одном.

Расталкивая толпу, бежали своим путем трамваи. В сетке сорившегося снега, как мухи в паутине, бились мальчишки.

— Экстр-выпуск! Смерть!..

Лихач. Шуба. Котикова шапочка.

— Мальчик, телеграмму...

Сует газетчику бумажку и, не дожидаясь сдачи, запахи-вается в пушистый воротник.

— Пошел.

Лихач уносит. Толпа провожает его молчаливыми, глубоко запавшими глазами.

Фабричный сторож Панкратов тоже покупает телеграмму. Бережно свертывает и прячет ее за пазуху. (Всего месяц, как выучился грамоте). Степаныч здоровается с ним.

— Беда, Панкратов.

— И не говори...

— Завтра работать, аль как? Не слышал?

— Должны ба.

Толпа прибывает, как река в половодье: расплескивается во всю ширину улицы, заходит в переулки.

Один задавленный утробный вздох. С корнем выверты-вается, из-под самого сердца.

И только далеко за полночь улицы начинают мелеть от людского гомону.

— Товарищ Ленин...

— Ильич...

Степаныч с Панкратовым вместе молчком дошли до самого дома. На темной лестнице шаркали тяжелыми вален-ками, сопели.

Черным крылом ночь прикрывала осиротевшую Москву, широкую Россию...

И весь мир.

III

На фабрике все было как-будто по-старому. В огненном беге дрожали цеха. Суетилась мастеровщина: точили, рубили, строгали, сваривали, люкали. И работы утром роздали по полной порции: все по заведенному.

А вот поди-ж ты: валится все из рук — што ты хочешь, то и делай. Пацаненок Федька попросил Степаныча с болта изусенец слизнуть и гайку с контр-гайкой пригнать. Взял Степаныч болт да и сорвал резьбу, хотел переточить ее — хуже помял. Вытаращил Федька глаза, стоит.

— Ну, чего разинул рот — иди: уж сделаю.

Покачал парень головой — отошел.

Взялся Степаныч болванку подшипника точить, щечку переточил. И это брак — в переплавку надо.

И с чего б'я случилось? Никогда со Степанычем такого не было. Сережка идет; увидит — засмеет, сунул испорченный подшипник в ящик инструментальный, сам будто по делу железом загремел. С обеда хоть пошабашить — так впору.

— Ты што ходишь?

— За тобой, дядя... Венок Ильичу-то надо. Ты бы тово. А? Первый мастер, можно сказать.

— Что-ж, для такого случая...

И обедать не пошел Степаныч. Часа два повозился и таковой-то венок сгрохал, — двоим чуть поднять.

— Красить надо, к утру высохнет.

На общем собрании объявили: идем с Ильичем прощаться. Лица печалью ровно закопчены, а в глазах туман. Работу побросали с обеда: бегали домой умыться, переодеться.

В город двинулись трехтысячной дымовой лавиной. Разрывая морозную муть, и день и ночь двигалось множество фабрик.

День и ночь.

Замоскворечье, Пресня, Сокольники, Рогожский — вся заводская Москва. В рабочей массе тонут редкие островки каракулевых шапок, шляпок.

Хвосты.

С Моховой, с Тверской, Лубянки, Свердловской.

Не всякий видел вождя при жизни, но разве кто не знает его и разве не всем он дорог, кровно-родной?

Под траурными парусами знамен плывут очереди.

Комсомольцы.

Рабфаковцы.

Притихшие, задумавшиеся над чем-то бóльшим, чем книги, песни, веселье. Они идут по кругу в пятый и десятый раз. Снова и снова. Взглянуть и запомнить. Глазами сказать последнее.

— Прощай...

В последний раз...

Красные солдаты. На какие подвиги не вдохновлял их образ вождя... Какие страны не топтаны красной конницей!

Ребятишки-школьники.

Пионеры.

Нахохлившиеся, как воробьи в ненастье. Все слова скупы и глухи. Морщатся озябшие лица.

А вот мужики-крестьяне с мешками за плечами, приехавшие проститься со стариком. Проститься, забыть все прежние обиды и ссоры.

На дорогах качаются огромные костры. Они заостряют и красят черные знамена, венки, лица. Огонь застилает Степанычу глаза едучей слезой, мороз выжимает крик.

Степаныч с комсомолом Яшкой венок несут. В затылок горячо дышат три тысячи своих, сто тысяч.

Шорох шагов прибоем бьется у дверей белого дома.

Взглянуть.

Запомнить.

Глазами сказать последнее:

— Прощай.

В дверях у всех словно ветром сдуло шапки.

Широкие лестницы. Из глубины далеких комнат похоронный марш.

Тихо.

— Прощай...

Лица, закопченные печалью.

С тихим рокотом выкатились опять на площадь.

Степаныч догнал племянника. Пошли рядом.

— Рука-то занемела... Ровно отвалиться хочет... Это венок.

— Что-ж не сказал, перехватили бы.

— Ладно... Чего там... Сережка, а ведь я в коммунисты надумал... Право... Всю ночь нонче не спал... И выдумал... Пра...

Серега крепко ударил старика по плечу.

— Молодец. В один хомут, знач. Везти легче будет...